

В.И. Модестов

**Влияние водворения в Риме
империи на литературу**

**Римская литература при
Тиберии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В.И. Модестов
В11 Влияние водворения в Риме империи на литературу: Римская литература при Тиберии / В.И. Модестов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-7130-7

Журнал Министерства Народного Просвещения.
Август 1878.
Пятое десятилетие.
Часть 198.

ISBN 978-5-4241-7130-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рода и двухсотлѣтняго систематическаго усвоенія имъ эллинской культуры. Къ тому же всѣ свѣтила тогдашней литературы—въ ней главный блескъ вѣка Августа—получили свое образованіе и пачали свою литературную дѣятельность еще въ періодъ республики, послѣднія десятилѣтія которой киѣли самою богатою литературною и вообще умственною жизнью. Государственный переворотъ, совершенный Августомъ, водворивъ спокойствіе и отвлекши отъ политическихъ тревогъ массу образованнаго общества, далъ тѣмъ самымъ лишь просторъ литературнымъ занятіямъ и въ этомъ смыслѣ не мало содѣйствовалъ процвѣтанію поэзіи, которому въ образованныхъ обществахъ особенно благоприятствуютъ времена мирныя и спокойныя: по крайней мѣрѣ такъ думали древніе, и новая исторія не опровергла ихъ мнѣнія. Переживъ длинный періодъ гражданскихъ бурь, римское общество тѣмъ легче подчинилось новому порядку вещей и могло предаться мирнымъ занятіямъ, что, сдѣлавшись главою государства, Августъ не нарушилъ ни одной формы республиканскаго устройства. Народъ по прежнему выбиралъ государственныя власти и утверждалъ законы, сенатъ по прежнему оставался высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, все остальное съ виду было, какъ и прежде; чувствовалась только рука, дающая всему направленіе и нѣсколько стѣсняющая въ свободныхъ отправленіяхъ людей, живо помнившихъ о временахъ республиканской свободы. Но такихъ людей, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось меньше, и они не могли поколебать вновь установленнаго порядка. Изображая состояніе государства въ концѣ правленія Августа, Тацитъ (Ann. I, 3) характеризуетъ его слѣдующими словами: „Внутри все было спокойно. Оставались тѣ же названія государственныхъ должностей. Молодое поколѣніе появилось на свѣтъ послѣ побѣды при Акціѣ, да и большая часть стариковъ родились во время междоусобныхъ войнъ: сколько же оставалось такихъ, которые видѣли республику?“

Такимъ образомъ, государственный переворотъ, поставившій во главѣ государства одного человѣка, былъ не только историческою необходимостью, но и былъ признанъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ нѣчто законное, соотвѣтствующее благу народному. Но этотъ переворотъ произошелъ не путемъ закона, а путемъ насилія. Орудіемъ его было войско, опираясь на которое можно было не уважать закона и не останавливаться предъ произволомъ. Если Августъ, понимая, что онъ сталъ во главѣ народа, вѣками привыкшаго къ свободнымъ формамъ республики, старался, по возможности, избѣгать ихъ

нарушенія и дѣйствовать средствами, въ которыхъ какъ будто замѣчалось уваженіе къ народному самодержавію, то ожидать того же самаго отъ его преемниковъ было тѣмъ труднѣе, что, съ одной стороны, имѣя дѣло уже съ приученнымъ къ новому правленію народомъ, а съ другой — находя, согласно происхожденію этого правленія съ личнымъ характеромъ, прямую опору для себя въ войскѣ, они не встрѣчали большой помѣхи къ развитію произвола, столь естественнаго въ такомъ положеніи ¹⁾. Въ этомъ положеніи главы государства, опирающагося на преданное личному правленію войско и тѣмъ самымъ поставленнаго въ возможность дѣйствовать произвольно тамъ, гдѣ слѣдовало уважать законъ, и скрывается причина, почему имперія, признанная народомъ во имя общественнаго мира и порядка, скоро сбилась съ дороги и представила собою типическіе образцы чудовищнаго деспотизма, стремившагося убить въ народѣ чувство чело-вѣческаго достоинства, всякое проявленіе личной или общественной силы въ государственной жизни, а виѣсть съ тѣмъ и подорвавшего нормальное развитіе умственной дѣятельности.

На нашей памяти вышло не мало сочиненій, имѣющихъ цѣлю выставить имперію въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ какою она отеривается намъ изъ сочиненій римскихъ писателей. Есть, конечно, стороны въ имперіи, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается историкъ, обозрѣвающій этотъ пятистолѣтній періодъ римской исторіи. Таково, напримеръ, распространеніе греко-римской культуры въ отдаленнѣйшихъ въ то время углахъ Европы и Африки, сближеніе и уравненіе въ гражданскихъ правахъ разнообразныхъ народовъ: но въ общемъ ходѣ римской исторіи время имперіи есть періодъ несомнѣннаго упадка. Въ то время, какъ выработавшаяся длиннымъ историческимъ путемъ римская культура распространялась въ Галлію, Испанію, Британію, Иллирію и даже въ глубинѣ Африки, въ то время, какъ латинскій языкъ завоевывалъ себѣ почву на берегахъ Сѣвернаго, Адриатическаго и Чернаго морей, въ самомъ Римѣ уровень умственной жизни понижался все больше и больше. Прежде всего гнетъ новаго государственнаго устройства отразился на литературѣ, которая, будучи стѣсняема въ свободѣ своего развитія, мало по малу стала мельчать въ своихъ задачахъ, терять оригинальность авторскихъ талантовъ и быстро ис-

¹⁾ C'est une expérience éternelle, que tout homme qui a du pouvoir est porté à en abuser; il va jusqu'à ce qu'il trouve des limites. *Montesquieu, De l'esprit des lois, livr. XI, ch. IV.*

тощаться въ своей производительности, такъ что уже къ концу II столѣтія нашей эры оскудѣніе въ талантахъ достигаетъ своего апогея, и литературное развитіе Рима какъ бы совсѣмъ прекращается. Имѣсть съ литературой падаетъ и искусство, обнаруживая недостатокъ творческой силы, не смотря на поддержку императоровъ, да и самый языкъ не можетъ устоять противъ все болѣе и болѣе одоливающей его искаженія. Паденіе литературы и искусства повлекло за собою паденіе и всей римской культуры, такъ что въ V столѣтіи нашей эры она уже оказывается безсильною передъ напоромъ варварскихъ народовъ, положившихъ конецъ и самому существованію одряхлѣвшаго тѣла имперіи.

Какъ неблагопріятно отразилось вліяніе имперіи на римскую литературу, мы увидимъ это еще на литературѣ, непосредственно слѣдовавшей за вѣкомъ Августа, то-есть, на литературѣ того періода, который, обнимая собою первое столѣтіе нашего лѣтосчисленія и начало втораго, называется вѣкомъ серебряной латыни, или серебрянымъ вѣкомъ римской литературы, въ противоположность золотому вѣку литературы времени Цицерона и Августа. Вѣдными границами этого періода служатъ, съ одной стороны, смерть Августа и вступленіе въ управленіе государствомъ Тиберія (14 г. по Р. X.), а съ другой—смерть Траяна и переходъ принципата къ Адриану (117 г. по Р. X.).

Литература перваго вѣка и начала втораго вѣка нашей эры служитъ представительницей времени, необыкновенно обильнаго писателями и принадлежащаго къ плодотворнѣйшимъ эпохамъ литературнаго творчества въ древнемъ Римѣ. Это было время, когда литературные интересы стали достояніемъ всей массы образованнаго общества, когда литературное образованіе, сдѣлавшись всеобщей потребностью, стало распространяться далеко за предѣлы Италіи, когда въ римскомъ литературномъ движеніи начинаютъ принимать дѣятельное участіе уроженцы Испаніи и Галліи, когда литературный латинскій языкъ является уже вполнѣ съ своимъ мировымъ значеніемъ, сдѣлавшись языкомъ образованности для всѣхъ странъ западнаго міра. Но, съ другой стороны, эти сто слишкомъ лѣтъ литературы нагляднѣйшимъ образомъ показываютъ, какое губительное вліяніе на умственную жизнь народа можетъ производить давленіе политической системы, старающейся наложить свою руку даже на мысль, вкусъ и нравственное чувство писателя. Это давленіе новой политической системы съ первыхъ лѣтъ ея дѣйствія стало сообщать римской литературѣ тотъ особен-

ный характеръ, которымъ этотъ періодъ существенно отличается отъ предыдущаго, а именно: съ одной стороны, стѣсненная въ своемъ свободномъ выраженіи, мысль стремилась найти для себя вознагражденіе въ вѣншемъ блескѣ и въ замысловатости оборота, что придавало литературному языку риторическій, иногда доходившій до вычурности, колоритъ, съ другой—протестовавшая противъ вѣшняго гнета мысль привывкала все болѣе и болѣе къ оппозиціонному настроенію, которое нерѣдко переходило въ раздражительность и болѣзненное негодованіе, или же подавленная тлжестію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, искажалась духомъ раболѣпія и отвратительнаго пресмыкательства передъ правителями. Такой характеръ равно принадлежитъ какъ прозѣ, такъ и поэзіи серебрянаго вѣка, обличая собою недугъ, который въ скоромъ времени долженъ былъ привести развѣждаемую имъ литературу къ истощенію и безсилію, наложившимъ свою печать на литературную проиводительность втораго столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію намятниковъ литературы перваго вѣка нашей эры, слѣдуетъ бросить на нее общій взглядъ и указать на различныя ея стороны и направленія въ это время.

Еще въ концѣ республики, охватившая высшее римское общество, страсть писать стихи сдѣлалась съ водвореніемъ имперіи общою модой, которая продолжала господствовать въ продолженіе всего періода литературы, подлежащаго теперь нашему разсмотрѣнію. На нее обратилъ вниманіе еще Гораций въ письмѣ своемъ къ Августу (Epist. II 1, 117), когда писалъ:

Scribimus indocti doctique poemata passim.

Страсть эта, однако, находила для себя оправданіе въ томъ, что давала занятіе многимъ образованнымъ людямъ, лишившимся вслѣдствіе государственнаго перепорота своей роли въ дѣлахъ политическихъ. Императоры дома Юліевъ, слѣдуя примѣру Августа, поощряли это увлеченіе поэзіей тѣмъ съ большею охотой, что раздѣляли его сами. Особенно въ этомъ отношеніи отличился Неронъ, который устроилъ даже періодическія состязанія въ поэзіи на ряду съ состязаніями въ музыкѣ и краспорѣчи, причемъ первый побѣдный вѣнокъ достался самому императору. Въ періодъ владычества Флавіевъ основателемъ подобныхъ же состязаній является Домиціанъ, устроившій по образцу Олимпійскаго состязанія на Капитоліѣ. Само собою разумѣется, что подобныя учрежденія, умножая число поэтовъ, не могли содѣйствовать дѣйствительному процвѣтанію поэзіи, какъ не могли ему со-

дѣйствовать и устраиваемыя на частный счет публичныя чтенія (*recitationes*) литературныхъ произведеній. Эти чтенія, которымъ положено было начало Азиніемъ Полліономъ (см. мои лекціи, курсъ II, стр. 290). въ предыдущій періодъ римской литературы, были однимъ изъ характеристическихъ явленій общественной жизни Рима въ разсматриваемый нами періодъ времени. Сдѣлавшись изъ частныхъ собраній любителей литературы общественными зрѣлищами, гдѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ выступали поэты, ораторы, историки, чтенія эти тѣмъ болѣе отвѣчали потребностямъ публики, что, давая ей возможность знакомиться съ текущею литературой, они въ то же время доставляли развлеченію праздному народу, не знающему, куда употребить свой досугъ, по уничтоженіи Тиберіемъ пародныхъ собраній. Впрочемъ, еще при Августѣ эти чтенія получили такое распространеніе, что, по словамъ Горация (*Sat. I, 4, 74*), многіе читали свои произведенія среди форума и даже въ общественныхъ баняхъ. Но, удовлетворяя ощущающейся обществомъ потребности въ развлеченіи и служа къ распространенію литературнаго образованія въ массѣ публики, они тѣмъ вредно дѣйствовали на литературу, что пріучали писателей, для которыхъ потребность публичныхъ рукоплесканій становилась все болѣе и болѣе ощутительною въ видахъ ихъ литературной репутаціи, достигать этого одобренія всѣми искусственными средствами, и такимъ образомъ, прямо содѣйствовали извращенію литературнаго вкуса, не говоря ужъ о томъ, что нерѣдко служили къ прославленію, какъ поэтовъ, людей, въ сущности не имѣвшихъ никакого поэтическаго призванія. При разсмотрѣніи литературныхъ памятниковъ описываемой эпохи, именно у моралистовъ и сатириковъ мы встрѣтимъ не мало неудовольствій противъ этихъ публичныхъ чтеній, гдѣ столько было мѣста тщеславію со стороны авторовъ и лицемѣрію со стороны публики.

Характеристическою чертой поэзіи этого періода, столь обильнаго поэтами и средствами къ литературной славѣ, является риторическій колоритъ. Подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ, удалившихъ публику отъ дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ государства, стѣсненное въ своемъ свободномъ проявленіи общественное слово стало утрачивать характеръ естественности въ выраженіи. Прежде всего это дѣйствіе новыхъ политическихъ обстоятельствъ отразилось на краснорѣчій. Согнанное съ политической арены и ограниченное обыкновенными гражданскими и уголовными процессами, оно нашло для себя убѣжище въ риторскихъ школахъ и стало въ

формѣ декламаций упражняться въ увѣщательныхъ (suasoriae) и препирательныхъ рѣчахъ (controversiae) на темы, далекія отъ обыкновенной жизни или даже совершенно ей чуждыя: объ умерщвленіи тирановъ, отцеубійствѣ, кровосмѣшеніи, о моровой язвѣ, которую по изреченію оракула, можно укротить только принесеніемъ въ жертву дѣвственницы, и т. п. Въ этихъ декламацияхъ, въ которыхъ упражнялось въ риторскихъ школахъ юношество, терялась естественность выраженія, вырабатывался ложный пафосъ, утрачивалось чувство мѣры, и приобретался навыкъ ко всякой вычурности. Духъ декламаторскихъ школъ незамедлительно оказалъ дѣйствіе на литературу, и прежде всего на поэзію, которая тѣмъ легче усвоивала себѣ подобные приемы, что современная жизнь не давала простора естественному и искреннему выраженію. Подъ такими вліяніями воспитался цѣлый рядъ эпиковъ—Лукавъ, Силій Италикъ, Валерій Флаккъ, Стацій, которые къ историческимъ или міеологическимъ темамъ съ большимъ стараніемъ примѣняли декламаторскіе приемы, развивавшіеся въ риторскихъ школахъ. Но не одна эпическая поэзія испытала на себѣ въ этотъ періодъ тлетворное вліяніе ихъ на литературу. Декламаторскіе приемы риторскихъ школъ бросаются въ глаза съ перваго раза при чтеніи трагедій Сенеки, которому болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, литературный стиль лучшихъ писателей того времени былъ обязанъ своимъ особеннымъ, тонко-риторическимъ колоритомъ. Трагедія, воспроизводя рѣчи и дѣйствія міеологическихъ лицъ, и притомъ въ особенно торжественныя минуты ихъ жизни, давала необыкновенный просторъ искусственному пафосу, много случаевъ для замысловатыхъ сентенцій и удобную арену для всякой декламации. Меньше пострадала отъ вліянія риторическихъ школъ сатира, какъ такой видъ поэтическихъ произведеній, который, стоя по своему содержанію близко къ дѣйствительной жизни, не имѣлъ нужды въ этомъ иль ужасающаго деспотизма и крайне распущенныхъ нравовъ прибѣгать къ поддѣльному негодovanію. Но говори, что сатира меньше пострадала, мы не можемъ сказать, что она не испытала на себѣ этого вліянія въ значительной степени. Въ эпоху, когда свободное слово было преступленіемъ, за которое грозилъ по меньшей мѣрѣ ссылка въ отдаленныя страны или на пустынные острова, когда нельзя было предавать посмѣванію живыхъ лицъ, сатирикъ по неволѣ долженъ былъ или обращаться къ прошедшему и въ немъ поражать своимъ бичемъ мерзости настоящаго, или вдаваться въ отвлеченныя разсужденія о добродѣтели и карать пороки общими изображеніями ихъ отвратительнаго вида. И

пафосъ, и сентенціи, и умышленно сгущенныя краски, и всякое искусственное средство риторики считалось здѣсь тѣмъ болѣе у мѣста, что усиливало впечатлѣніе и вознаграждало писателя за стѣсненіе въ свободномъ выраженіи своего чувства. Но такъ какъ въ этомъ страстномъ негодованіи, вызываемомъ отвратительными картинами и ужасами дѣйствительной жизни, было много естественнаго, то и риторическія средства, которыми пользовались сатирики, являются здѣсь уже какъ бы орудіями литературнаго искусства, а не безцѣльнымъ упражненіемъ въ декламации, какъ это скорѣе можетъ имѣть мѣсто въ эпосѣ и трагедіи. Сатира есть, быть можетъ, наиболѣе видное явленіе поэтической литературы серебрянаго вѣка и во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ болѣе, чѣмъ другія литературныя произведенія этого времени, о той неутолимой борьбѣ, которую люди мысли и характера, въ виду всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, вели съ необузданнымъ деспотизмомъ кесарей и развивавшеюся рядомъ съ нимъ мерзостью частныхъ и общественныхъ нравовъ. Персій и Ювеналъ принадлежатъ къ крупнѣйшимъ представителямъ литературы разсматриваемаго нами періода. Въ другихъ областяхъ поэзіи этого времени мы не можемъ указать на людей, которые стояли бы выше этихъ сатириковъ, если не по таланту, то по значительности своихъ произведеній. Но поэтическому дарованію выше всѣхъ поэтовъ серебрянаго вѣка стоитъ Марціалъ, многочисленныя стихотворенія (эпиграммы) котораго показываютъ, до какой большой степени развитіи могла дойти римская стихотворная техника; но по своему содержанію стихотворенія Марціала такъ ничтожны, а по нравственному возрѣвію поэта до того низки и отвратительны, что могутъ лишь свидѣтельствовать о крайней глубинѣ паденія римскаго общества ко времени Домиціана, оправдывая вполнѣ и жгучее негодованіе Ювенала, и холодное презрѣніе Петронія, автора романа, герои котораго превосходятъ въ своей пошлости и нравственномъ безобразіи всякую мѣру, положенную челоуѣческой гнусности не только разумомъ, но и самою природою.

Въ то время, какъ римская поэзія перваго вѣка нашей эры и первыхъ двухъ десятилѣтій втораго, при всей многочисленности своихъ слушателей, успѣла произвести лишь самое небольшое количество значительныхъ талантовъ, проза этого времени имѣетъ цѣлый рядъ представителей, которые своими дарованіями и значеніемъ своихъ произведеній въ исторіи римской литературы несравненно болѣе современныхъ имъ поэтовъ поддерживаютъ обаяніе этого лите-

ратурнаго періода и приковываютъ къ нему наше вниманіе. Изъ огромной массы прованческихъ писателей этого времени выдвигаются на первый планъ имена Сенеки (философа), Плинія Старшаго, Квинтиліана, Плипія Младшаго и Тацита. Этотъ рядъ знаменитѣйшихъ писателей воплощаетъ въ себѣ наиболѣе характеръ прованческой литературы, въ которой въ продолженіе перваго столѣтія по смерти Августа произошелъ радикальный переворотъ. Основаніе римской прозы и сущность ея искони составляли два вида литературы: краснорѣчіе и исторія. Вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ краснорѣчіе совсѣмъ сошло съ политической трибуны, и будучи крайне стѣснено въ своемъ выраженіи даже на судѣ, извратилось въ своемъ характерѣ, стараясь замѣнить недостатокъ своего внутренняго значенія риторическимъ блескомъ. Силу и полноту рѣчи прежняго времени замѣнило стремленіе къ остроумію и искусственной краткости выраженія. Погоня за впѣшнимъ эффектомъ вынуждала ораторовъ прибѣгать къ самымъ смѣлымъ оборотамъ, неожиданнымъ контрастамъ, къ новому словоупотребленію и вообще къ тѣмъ средствамъ, которыя, вырабатываясь въ риторскихъ школахъ, превращали краснорѣчіе въ декламацию. Отсюда и происходитъ, что краснорѣчіе, не смотря на все его значеніе въ обиходной жизни Римлянъ даже и во время имперіи, перестало быть важнѣйшею отраслью литературы, какъ ни великъ числомъ строй ораторовъ, которыхъ можетъ выставить этотъ литературный періодъ, начиная съ Кассія Севера и кончая Циціемъ Младшимъ, и какъ ни велики были усилія школы Квинтиліана придать ораторскому образованію болѣе солидную основу посредствомъ обращенія къ изученію классическихъ ораторовъ греческихъ и римскихъ и къ широкому знакомству съ первоклассными произведеніями литературы обоихъ народовъ. Выше извѣстнаго Похвального слова Плипія Траяну (*Panegyricus ad Trajanum*) краснорѣчіе имперіи послѣ Августа не поднималось.

Не менѣе значителенъ былъ переворотъ, произведенный имперіей въ исторической литературѣ. Въ то время какъ исторія въ періодъ республики стремилась или къ увѣковѣченію памяти о великихъ дѣяніяхъ отечества, не упуская при этомъ изъ виду и нравственной цѣли поученія современниковъ и потомковъ примѣрами доблести предковъ, какова, на примѣръ, исторія Тита Ливія, или къ разъясненію особенно замѣчательныхъ событій не только съ цѣлію дать современникамъ урокъ нравственной и гражданской доблести, но и повліять на ихъ политическій образъ мыслей выставленіемъ въ благопріятномъ свѣтѣ

стремленій извѣстной политической партіи, каковы историческія сочиненія Саллюстія, или имѣла въ виду исключительно нравственно-гражданское воспитаніе народа посредствомъ жизнеописаній замѣчательныхъ мужей, каковы, на примѣръ, былъ трудъ Корнелія Непота, или наконецъ, просто стремилась въ формѣ жемуровъ оправдать политическую дѣятельность автора, каковы, на примѣръ, записки Юлія Кесаря, но во всѣхъ случаяхъ пользуясь полною свободой въ принятіи той или другой точки зрѣнія, въ разсматриваемый нами періодъ положеніе историка и характеръ его произведеній опредѣлялись всею болѣе его политическимъ отношеніемъ къ представителямъ власти, созданной государственными переворотомъ. Въ это время, когда интересы отечества такъ много зависѣли отъ личнаго расположенія главы государства, историку невозможно было оставаться равнодушнымъ къ личности послѣдняго. Отсюда явилось для историка новое положеніе—необходимость или стоять на сторонѣ личной государственной власти, извѣстной подъ именемъ принципата, или не выражать ей своего сочувствія. Это и породило въ римской историографіи серебрянаго вѣка два рѣзко противоположныя направленія, которыхъ не знала прежняя историческая литература: раболѣпное и оппозиціонное. То и другое было враждебно исторической истинѣ, которая одинаково искажалась какъ лестью, такъ и ненавистью, *libidine assentandi aut rursus odio adversus dominantes*, какъ выражается Тацитъ въ своемъ введеніи къ Исторіямъ; но въ то время, какъ первое могло процвѣтать совершенно свободно и даже находить для себя поощреніе, послѣднее преслѣдовалось и терпѣло всякія гоненія. Эти гоненія на историческую литературу начались еще въ послѣдніе годы правленія Августа, когда усвоенъ былъ обычай не только наказывать авторовъ, но и сжигать ихъ сочиненія. Говоря объ этомъ обычай, по поводу сожженія сочиненій Лабіена, риторъ Сенека замѣчаетъ (*Controv. V, Praef.*): „Новое и необычное дѣло казнить сочиненія“, *res nova et insueta supplicia de studiis sumit*. Особенно же сильны были эти гоненія при Тиберіѣ и при Домиціанѣ, когда не только сжигались сочиненія, но авторы ихъ платились жизнью за одну похвалу людямъ республиканскаго направленія, какова была судьба Кремуція Корда при Тиберіѣ, Арулена Рустика и Гереннія Сенепціона при Домиціанѣ. Свобода историческаго повѣствованія открылась лишь въ правленія Нервы и Траяна, къ которымъ и принадлежатъ произведенія величайшаго изъ римскихъ историковъ, Тацита.

Въ замѣнъ того, что литература этого времени утратила въ краснорѣчїи и въ исторїи, она представляетъ особенное развитіе въ научной и технической прозѣ. Такъ риторика имѣетъ двухъ крупныхъ представителей въ М. Анней Сенека и Квинтиліанъ, географія—въ Помпоній Мелъ и Плиніи Старшемъ, — этнографія—въ Тацитъ, сельское хозяйство—въ Колумелла, медицина—въ Цельсусъ; сюда же относится цѣлый рядъ юристовъ, грамматиковъ и специалистовъ разнаго рода, не исключая и гастрономовъ (Апицій).

Но кромѣ этой научной и технической прозы, есть еще два вида прозаической литературы, которые въ рассматриваемый періодъ занимаютъ весьма видное мѣсто: философія и эпистолографія. Философское движеніе, начавшееся еще при Августѣ, нашло свое выраженіе въ первое столѣтіе нашей эры въ двухъ школахъ — эпикурейской и стоической. Но, благодаря особенностямъ, стоицизмъ, который нерѣдко былъ пристанищемъ политической оппозиціи этого времени, получилъ рѣшительное преобладаніе. Многие изъ важнѣйшихъ писателей рассматриваемаго періода, какъ Сенека, Персій, Луканъ, Ювеналъ, Тацитъ, были стоики или по меньшей мѣрѣ находились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ стоическаго ученія. Главнымъ представителемъ стоицизма является философъ Сенека, значеніе котораго въ литературѣ I вѣка вообще необыкновенно велико. Что же касается до эпистолографіи, то дошедшее до насъ собраніе писемъ Плинія Младшаго принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ блестящимъ произведеніямъ литературы серебрянаго вѣка. Оно относится по своему происхожденію ко времени возрожденія литературы въ вѣкъ Нервы и Траяна, которымъ и заканчивается столѣтній литературный періодъ, подлежащій нашему рассмотрѣнію.

Прежде, чѣмъ приступить къ ближайшему рассмотрѣнію литературы этого времени, я считаю нужнымъ указать на нѣсколько сочиненій, могущихъ ввести въ ближайшее знакомство съ эпохой, съ политическими и общественными условіями, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась литература перваго столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія. Первое мѣсто между этими сочиненіями я отдаю труду кѣнигсбергскаго профессора Л. Фридендера: *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine*. Leipzig, 1862—1871. Три тома. Недавно это сочиненіе появилось въ русскомъ переводѣ г-жи Бѣлозерской подъ заглавіемъ: *Картины изъ исторїи римскихъ нравовъ отъ Августа до Антониновъ*. С.-Пб. 1873 г. Затѣмъ слѣдуетъ указать на слѣдующія со-